

довых и подготовленных родов войск – воздушно-десантным войскам.

В соответствии с перспективным планом развития музея до 2000 г. будут созданы новые и обновлены действующие экспозиции, расширены коллекции личного снаряжения десантников, собраны коллекции оружия и боевой техники ВДВ.

М. И. Люхудзаев, О. Г. Попова
Уральский государственный университет

Брестский договор и политическая линия левых эсеров в 1917–1918 гг.

Вопрос о Брестском мире являлся одним из самых сложных и драматических в первый год пролетарской революции. В отечественной историографии сложилась устойчивая оценка позиции партии левых социалистов-революционеров (ПЛСР) как принципиальных противников мира с Германией. Этот стереотип был разрушен появлением в 1992 г. фундаментального исследования Ю.Фельштинского “Крушение мировой революции. Брестский мир, октябрь 1917–ноябрь 1918”.

Первоначально позиции большевиков и левых эсеров в вопросе о мире совпадали. Обе партии выдвинули лозунг “общего перемирия на фронтах” и “начали вести переговоры с представителями всех воюющих стран о перемирии”. М.А.Спиридонова, лидер ПЛСР, сначала поддерживала В. И. Ленина и выступала за подписание соглашения. “Мужик не хочет войны, – говорила она, – и примет какой угодно мир”. Л. Д. Троцкий вспоминал: “Левых эсеры вовсе не сразу выступили против Брест-Литовского мира. По крайней мере, Спиридонова была в первое время решительной сторонницей подписания”. “Подпишите сейчас же мир”, – обращалась она к Л. Д. Троцкому после первого посещения им Бреста. 8 декабря на заседании ВЦИК М.Спиридонова заявила о “полном доверии”, которое оказывают левые эсеры большевикам в деле ведения переговоров в Бресте.

Аналогичной позиции придерживались и другие лидеры левых эсеров. На 1 съезде ПЛСР, состоявшемся 27 ноября 1917 г., Б. Д. Камков потребовал “немедленного ликвидации войны”. В. А. Карелин отметил в начале января 1918 г. на Всероссийском съезде железнодорожников, что мирная политика “правительства комиссаров” встречает “единодушное одобрение и поддержку со стороны всех партий, стоящих на позиции советской власти”. Однако мотивация их мирной позиции была различной. Часть левых эсеров поддерживала сторонников договора, так как не верила в скорую победу мировой революции. Другие, реально осознав угрозу сокрушения советской власти, не считали возможными веде-

ние революционной войны, противостояние германской агрессии при отсутствии организованного фронта и полной деморализации старой армии. Левые эсеры А. А. Биценко и С. Д. Масловский (Мстиславский) вместе с большевиками А. А. Иоффе, Л. Б. Каменевым и Г. Я. Сокольниковым возглавили советскую делегацию в Брест-Литовске.

Линию на подписание мирного договора левые эсеры проводили на III Всероссийском съезде Советов. Б. Д. Камков, выступивший от имени фракции в прениях по докладу о переговорах в Брест-Литовске, осудил позицию сторонников продолжения войны, которые “в данный момент русской революции на плечи взваливают непомерно тяжелое бремя”. Он заявил, что разрешить проблему “мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов почти невозможно... если на время нам придется сделать уступки, то это не наша вина”.

В это время ПЛСР все более упрочивала свои позиции. В составе 306 членов ВЦИК, избранного III съездом Советов, было 160 большевиков, 125 левых эсеров. При исполнительном комитете создается Крестьянская секция, председателем которой стала М. А. Спиридонова. По данным К. В. Гусева, левые эсеры занимали сильные позиции в Советах северо-западных губерний и Центрально-Промышленной области, центрально-черноземных губерний. По состоянию на 14 марта 1918 г., из 310 уездных Советов 48 губерний в 95 большевики не имели преобладания, в 31 – большинство это не было прочным. Для того, чтобы провести через Совет свои резолюции, обе партии должны были блокироваться. Этот период Л. Д. Троцкий назвал “медовыми неделями коалиции”, а Ю. Фельштинский – “зенитом большевистско-левоэсеровского союза”.

Лидеры ПЛСР заговорили о слиянии двух партий В. И. Ленин вспоминая разговор с П. П. Прошьяном незадолго до заключения Брестского договора о необходимости слияния в одну партию, поскольку “за время общей работы в Совнаркоме ...левые эсеры заметно и очень сильно сблизились”. Вождь большевиков признавал: “Тогда казалось, что разногласий между нами сколько-нибудь существенных не осталось”. Но Ленин к предложению Прошьяна отнесся сдержанно, назвав его преждевременным, тем не менее “сближение между нами на практической работе отнюдь не отрицал”. В этот период левые эсеры представляли для Ленина меньшую опасность, чем левые коммунисты внутри РСДРП(б). Заявления руководителей ПЛСР по вопросу о мире вселяли в него надежду, что его точка зрения будет поддержана левыми эсерами. И он не ошибся. На состоявшемся 18 февраля объединенном заседании центральных комитетов РСДРП(б) и ПЛСР последняя проголосовала за принятие германских условий. Совместное постановление центральных комитетов считалось решением советского правительства.

19 февраля на объединенном заседании большевистской и левоэсеровской фракции ВЦИК с двухчасовой речью в защиту тезисов о подпи-

сании договора выступил В. И. Ленин. Неожиданно большинство членов ВЦИК высказались против принятия германских условий мира. Протокол заседания не сохранился, но 20 февраля в газете “Социал-демократ” был опубликован отчет о заседании: “Большинство стояло на точке зрения, что русская революция выдержит испытание; решено сопротивляться до последней возможности”.

Аналогичная картина повторилась 23 февраля на совместном заседании ЦК РСДРП(б) и ЦК ПЛСР. Его протокол утерян. Ю. Фельштинский считает, что большинство левых эсеров поддержали Троцкого. Нарком юстиции И. З. Штейнберг писал по этому поводу: “Тогда не было в советской республике ни одной социалистической партии, которая не одобрила бы в Бресте формулу Троцкого... В ВЦИК ни одна рука не поднялась против резолюции, которая одобряла действия нашей делегации”. Это произошло в тот день, когда немцы предъявили России ультиматум.

Всю последующую ночь шло заседание фракции ВЦИК. Наступил драматический момент: у левых эсеров произошел раскол в партии. Но в отличие от большевиков фракция в целом решила голосовать против Брестского мира и обязала сторонников Ленина воздержаться от голосования. В три часа утра 24 февраля открылось заседание ВЦИК. При голосовании ленинская резолюция собрала необходимое большинство голосов – 116. Против выступили 85, воздержались 26 человек – левые эсеры, сторонники мира.

В чем причина столь стремительного поворота в политической тактике левых эсеров по вопросу о Брестском мире? Полагаем, что в основе разногласий в ПЛСР лежат те же причины, что привели к расколу большевистскую партию. Прежде всего, Брест-Литовский договор был “похабным” и унижительным для России. Подписав его, правительство признало тяжелое поражение советской республики в борьбе с международным империализмом. Во-вторых, как отмечает А.Измайлович в своей брошюре “Послеоктябрьские ошибки”: “Брестский мирный договор противоречит всем началам интернационализма. Мы его не подписываем и войны не ведем”. Следовательно, левые эсеры попрежнему сохраняли надежду на мировую революцию. Еще одну причину назвал И. З. Штейнберг в своей работе “Почему мы против Брест-Литовского мира?": “Брест-Литовск, начав с капитуляции во вне, вынужден будет переходить к капитуляции внутренней, к сдаче позиций октябрьской революции внутри страны”.

В марте 1918 г. в Москве состоялся IV Чрезвычайный съезд Советов. Левые эсеры поддержали формулу Троцкого. При этом ЦК ПЛСР был более склонен к компромиссу с ленинским большинством, чем левозеро-вские низы. Поэтому ЦК левых эсеров большинством голосов выступил на съезде против ратификации Брестского договора. Несмотря на протесты левых эсеров и других партий, Брест-Литовский мирный дого-

вор был ратифицирован большинством (784 голоса, против – 261 при 115 воздержавшихся). В знак протеста левые эсеры вышли из правительства. Это был первый серьезный разрыв между левыми эсерами и большевиками, который предопределил последующую тактику ПЛСР.

А. В. Лямзин
Уральский государственный университет

“Ледокол” В.Суворова: споры продолжаются

Появление книги В. Суворова “Ледокол” вызвало неоднозначную реакцию в среде историков. Постепенно оформились лагеря сторонников и противников концепции В.Суворова (В. Б. Резуна). Его версия состоит в том, что И. В.Сталин в 1941 г. готовил нападение на Германию, имея целью совершение мировой революции. Сталинские планы расстроило внезапное вторжение германских войск на территорию СССР.

В числе критиков концепции Суворова оказались А. Н. и Л. А. Мерцаповы, А. С. Орлов, Д. А. Волкогонов и др. Они объявляют его доводы антинаучными и противоречивыми. Действительно, в книгах В. Суворова совершенно отсутствуют сноски, много неточностей. Однако в работах сторонников основных положений его версии научный аппарат, как правило, присутствует. Среди сторонников этой концепции наиболее активно работает М. И. Мельтюхов. Некоторые из критиков книги Суворова утверждали, что “... никому не известно о каком-либо документе, плане, которые бы подтверждали замысел Сталина совершить нападение на Германию в определенный момент”. Такой документ, однако, был найден и опубликован Ю. А. Горьковым, противником версии В. Суворова. Это “План стратегического развертывания...”, который остается наиболее веским аргументом сторонников концепции В. Суворова. Чтение мемуарной литературы, на основе которой в основном и строит свою версию В.Суворов, представляется довольно эффективным способом сбора информации в подтверждение данной концепции. Так, кинорежиссер Г. Чухрай вспоминает, как накануне войны, весной 1941 г., их дивизия в рамках учений была выдвинута пешим ходом от Мариуполя к границе Польши (600 км): “Приближаемся мы к границе, и вдруг – сообщение ТАСС: ходят-де слухи, что Советский Союз перебрасывает войска к фронту, так это наглая ложь... А мы то идем по степи, мы то видим, что параллельными дорогами туда же, куда и мы, движутся другие дивизии! Еще в сообщении сказано, что-де у нас идут железнодорожные учения. А мы идем пехом... Деревенские бабы, провожая нас, причитают: “Ребята, куда ж вас гонют! Это ж война!”